

Понсон дю Террайль Пьер Алексис де

**Цыганский царь:
Революционные народные
тираны: Роман**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д95

Д95 **дю Террайль Пьер Алексис де П.**
Цыганский царь: Революционные народные тираны: Роман / Понсон дю
Террайль Пьер Алексис де – М.: Книга по Требованию, 2025. – 355 с.

ISBN 978-5-519-79001-7

ISBN 978-5-519-79001-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

поспѣшили сойдти, почтительно отворили дверцы и опустили подножку.

Тогда существо, еще страннѣе чѣмъ этотъ гадкій экипажъ, вышло изъ кареты.

Это была маленькая женщина отъ 35 до 45 лѣтъ, потому что не возможно было съ точностію опредѣлить ее лѣта, цвѣтъ ея кожи былъ какъ у мулатки, оливковый, она не могла скрыть своего уродства; она была наряжена въ разноцвѣтное платье, голова ея была покрыта перьями, на пальцахъ были нанизаны перстни, на шеѣ былъ тройной рядъ большихъ перловъ, величиною въ голубиное яйцо; подъ мышкою у нея была гадкая Гаванская собачка шоколаднаго цвѣту, а въ рукѣ держала она одинъ изъ тѣхъ мѣшковъ, которые въ насмѣшку называли ридикюлемъ.

И толпа не свистала, не выла и даже не хохотала привѣтствуя съ идиотскимъ уваженіемъ эту женщину, а когда она вошла въ Тиволи, то она слѣдовала за нею вдаль, почтительно и осгорожно, какъ будто бы это смѣшное существо олицетворяло для нея красоту и геній. Это повторялось ежедневно, двѣ недѣли.

И такъ въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается наша исторія, дама въ желто-голубой каретѣ, по обыкновенію своему торжественно въѣзжала, какъ вдругъ толстенькій, съ небольшимъ брюшкомъ, въ темномъ костюмѣ, съ косою, заплетенною бантомъ изъ зеленой тафты, старичокъ, котораго нарядъ изобличалъ провинціала, подошелъ къ горожанину, небрежно опершемся на исполнительную власть.

Исполнительная власть была не что иное, какъ толстая суковатая трость, которую день и ночь носили для острастки въ то время, когда никто не оказывалъ правосудія и законъ сдѣлался безсильнымъ.

Этотъ горожанинъ, молодой человѣкъ двадцати семи или двадцати восьми лѣтъ, былъ въ широкомъ галстукѣ, который скрывалъ его подбородокъ; въ ушахъ висѣли широкія кольца.

На немъ было платье съ длинными басками, цвѣтной жилетъ и сѣрые штаны, вложенные за голенищи сапоговъ.

Мужчина въ темномъ платьѣ подошелъ къ нему, поклонился и сказалъ ему.

— Извините меня, милостивый государь...

Уже не говорили гражданинъ.

— Что вамъ угодно, дѣвушка? спросилъ покровительственнымъ тономъ горожанинъ.

— Я провинціалъ, мой милый.

И горожанинъ принялся хохотать.

— Я никогда не бывалъ въ Парижѣ; это первый разъ, продолжалъ старичокъ, не сердясь.

— Ахъ! ахъ!

— По этому для меня все ново и иногда не понятно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Мнѣ хотѣлось бы узнать, кто эта вошедшая въ садъ такая нарядная особа?

— Ахъ! ахъ!...

— Мнѣ кажется, что эта гражданка Тальенъ или какаянибудь другая жена одного изъ нашихъ правителей, возразилъ наивно старичокъ.

Горожанинъ принялся хохотать.

— Вы не угадали, мой милый, сказалъ онъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, это какаянибудь иностранная государыня.

— Вы опять ошиблись.

И горожанинъ взглянулъ повнимательнѣе на своего собесѣдника.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, вы провинціалъ?

— Да, милостивый государь.

— И вы никого не знаете въ Парижѣ?

— Совершенно никого.

— И вамъ хотѣлось бы, что бы человѣкъ знающій удовольствія и тайны столицы, далъ бы вамъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и въ случаѣ нужды представилъ бы васъ?

То есть, отвѣтилъ провинціалъ, я былъ бы ему чрезвычайно признателенъ.

— И такъ! сказалъ горожанинъ, возьмите мою руку, уйдемъ изъ этой толпы и поговоримъ. Можетъ быть, я могу оказать вамъ тѣ маленькія услуги, въ которыхъ вы нуждаетесь...

— Вы?

Парбле!

И горожанинъ увлекъ провинціала въ сторону.

— Извините меня, сказалъ онъ въ свою очередь; но я вамъ объясню все въ двухъ словахъ. Я вышелъ изъ игорнаго дома, въ которомъ меня обобрали какъ липку, у меня не осталось въ карманѣ ни гроша, такъ что я не могу ни войти въ садъ, ни закусить, за неимѣніемъ денегъ.

— Этому можно пособить! отвѣтилъ провинціалъ; я готовъ заплатить за всѣ ваши издержки.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ горожанинъ, сперва выпьемъ.

И онъ увлекъ своего новаго знакомаго къ двери торгующаго напитками.

Они взошли. Провинціалъ потребовалъ сыропу, оршаду и лимонаду.

Горожанинъ началъ пить, потому что его дѣйствительно томила жажда.

Потомъ, поставивъ свой стаканъ и опершись обоими локтями на столъ:

— И такъ, сказалъ онъ, вы приняли эту обезьяну за гражданку Галіенъ, за это олицетвореніе изящества и красоты?

— Я сознаюсь въ этомъ, покорно сказалъ мужчина въ темномъ костюмѣ.

— Вы ошиблись!... Знаете ли вы кто она?

— Нѣтъ!

— Это цыганка.

— Неужели?

— Но цыганка имѣющая миліоны.

— Какъ зовутъ ее?

— Гражданка Антонія.

— Какое странное имя! сказалъ наивно человѣкъ въ темномъ костюмѣ.

— Хотите—я расскажу вамъ ея исторію?

— Хочу.

— Въ такомъ случаѣ, потребуйте другую бутылку лимонаду. Я умираю отъ жажды.

Провинциальъ подозвалъ слугу, потомъ взглянулъ на горожанина съ тревожнымъ любопытствомъ человѣка, которому обѣщали чудесный рассказъ.

Горожанинъ продолжалъ:

Гражданка Антонія цыганка. Она прибыла изъ Парижа лѣтъ пять тому, во время разгара Террора, когда этотъ бѣднякъ г. де Робеспьеръ снималъ каждое утро для развлечения скучавшаго Парижскаго народонаселенія, по пятидесяти головъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ человѣкъ въ темномъ костюмѣ, и она была также богата какъ и теперь?

— Также.

— И ей не отрѣзали головы?

— Нѣтъ, какъ видите.

— Однако я думалъ въ моей провинціи, что въ это время болѣе всѣхъ рисковали...

— Люди богатые?

— Да.

— Но гражданкѣ Антоніѣ, продолжалъ гражданинъ, пришла счастливая мысль.

— Какая?

— Она сдѣлалась пріятельницею гражданина Х..., представителя Конвента, друга гражданина Робеспьера, а такъ какъ у него было много долговъ, то она уплачивала ихъ по немногу.

— Въ такомъ случаѣ, я понимаю...

— Вотъ почему гражданка Антонія сохранила на своихъ плечахъ свою голову.

— Да, но когда наступило 9 термидора?

— Гражданинъ Х..., перемѣнилъ свое мнѣніе, бросилъ Робеспьера, пожалъ руку Тальенъ и сдѣлался теперь еще сильнѣе. Даже говорятъ, что онъ женился на гражданкѣ Антоніѣ.

— Ну, сказалъ человѣкъ въ темномъ костюмѣ, я вижу, что ты знаешь все, мой милый.

— Ахъ! дѣдушка, сказалъ обидѣвшійся горожанинъ, не опьянѣли ли вы отъ лимонаду?

— Почему это?

— Вы начинаете мнѣ говорить ты; это больше не въ модѣ.

— Прекрасно. Но къ этому есть основаніе.

— Какое?

— То, что я давно знаю тебя.

— Вы знаете меня?

И горожанинъ взглянулъ на человѣка въ темномъ костюмѣ со страхомъ.

— Чортъ возьми! я знаю тебя. Ты не всегда былъ горожаниномъ, пріятель мой Политъ.

— Почему вы знаете мое прежнее имя?

— Я вижу, что ты меня не узнаешь.

Но Политъ, такъ какъ это былъ онъ, вдругъ закричалъ:

— Ахъ! да... это вы, сказалъ онъ, и на меня напала куриная слѣпота, такъ что я не узналъ васъ вдругъ, господинъ Биби...

— Я дѣйствительно Биби, сказалъ человѣкъ въ темномъ костюмѣ.

И Политъ, сдѣлавшійся горожаниномъ, бросился на шею отставнаго полицейскаго агента и нѣжно поцаловалъ его въ обѣ щеки.

Глава вторая.

Полить продолжалъ держать за руки Биби и съ сильнѣйшею скороговоркою разспрашивалъ его.

— Но что случилось съ вами? откуда явились вы? и для чего вы такъ забавлялись надо мною, разспрашивая меня объ томъ, что вы знаете лучше всѣхъ?

— Мой юный другъ, отвѣтилъ Биби, когда два друга встрѣчаются послѣ продолжительной разлуки и когда они желаютъ разсказать другъ другу свои приключенія, то всегда начинается младшій.

— Ахъ! произнесъ Полить.

— Я оставилъ тебя въ Парижѣ мальчуганомъ и нахожу щеголемъ, объясни сначала мнѣ ты свою метаморфозу.

— Ахъ, это просто, сказалъ Полить.

— Помните ли вы тотъ день, въ который мы выпроводили за заставу капитана Дагобера, дѣвицу Аврору и Бенуа?

— Конечно помню.

— Мы остались, потому что мы поклялись заставить *гражданку Антонію*, возвратить всѣ деньги, которые она украла?

— Это вѣрно.

— Мы возвратились въ Парижъ и поселились въ улицѣ Гле-Жоржо, близъ улицы Сентъ-Онорé.

— Все это совершенно вѣрно.

— На другой день, утромъ, вы ушли рано и сказали мнѣ, что вы возвратитесь около полудня!

— И я не возвратился ни въ полдень, ни вечеромъ, ни на слѣдующій день

— И вовсе не возвратились, продолжалъ Полить. Я ждалъ недѣлю, потомъ двѣ; никого!... Тогда мнѣ показалось, что вы умерли или что гражданка Антонія приказала арестовать васъ. Такъ какъ вы взяли съ собою тотъ поясъ, въ которомъ заключались ваши деньги и такъ какъ нѣсколько золотыхъ монетъ, которыя я имѣлъ, израсходовались по этому, такъ какъ мнѣ не хотѣлось болѣе воровать, я пришелъ въ одинъ вечеръ къ странному заключенію:

— Мы были должны, подумалъ я, вмѣстѣ съ Биби, отобрать у гражданки Антоніи деньги, которыя она уворовала у дѣвицы Авровы и ея сестры, а такъ какъ Биби уѣхалъ и я не знаю, гдѣ онъ, почему бы не продолжать мнѣ одному этого дѣла?

— Ахъ! произнесъ Биби, ты подумалъ это?

— И потомъ я подумалъ еще, продолжалъ Полить, ежели Антонія погубила Биби, я отомщу ей за него.

Прекрасно! сказалъ съ улыбкою полицейскій.

— Полить продолжалъ:

— Я легко проникалъ къ гражданкѣ Антоніѣ, по этому я зналъ, какъ за это приняться. Я отправился въ одинъ вечеръ изъ Парижа съ ножомъ въ карманѣ и съ кистенемъ въ рукѣ. Вы знаете, папа, что когда хотятъ, убить навѣрное и съ разу, то молоткомъ гораздо удобнѣе, чѣмъ кинжаломъ.

— Это правда сказалъ Биби.

— Я, какъ вы можете себѣ представить, зналъ всѣ порядки въ домѣ. У гражданки Антоніи ложились спать поздно, потому что гражданинъ Х... ужиналъ въ полночь и не уходилъ раньше двухъ часовъ утра.

Я прибылъ въ полночь.

Я прилегъ во рву и выжидалъ; но мнѣ не долго пришлось выжидать.

Въ то время, какъ я лежалъ неподвижно, устремивъ глаза на освѣщенные окна дома, мимо меня прошло два человѣка—садовникъ и кучеръ.

Первый говорилъ:

— „Гражданинъ Х... не придетъ сегодня. Онъ долженъ завтра говорить въ конвентѣ и онъ готовить свою рѣчь.

Гражданка ложится спать. Мы можемъ отправиться въ Палезо и распить бутылку.

— Идетъ, отвѣтилъ кучеръ.

Они прошли мимо меня, совершенно близко, такъ что я боялся, чтобы они не замѣтили меня; потомъ сквозь брешь изгороди они спустились въ оврагъ и вышли въ поле.

Тогда я болѣе не робѣлъ и направившись къ дому, я влѣзъ въ него, какъ и въ первый разъ въ окно кухни.

Потомъ я вошелъ въ переднюю.

Услыхавъ шумъ, произведенный мною, прибѣжала субретка.

Я сердился на нее съ тѣхъ поръ, какъ меня засадили въ кутузку.

Я убилъ ее на повалъ однимъ ударомъ кистени.

Она повалилась въ сѣняхъ, не вскрикнувъ.

Но такъ какъ я зналъ дорогу, то я взошелъ къ гражданкѣ Антоніѣ.

— Я прошелъ чрезъ салонъ, будуаръ, на цыпочкахъ и такимъ образомъ я подошелъ къ двери ея спальни.

Ключъ былъ въ замкѣ, я поверотилъ его и вошелъ.

Гражданка Антонія сидѣла и читала.

Она приняла меня за горничную и сначала не поднимала головы.

Но я подошелъ къ ней, тогда она замѣтила меня, и испугавшись она закричала. Я имѣлъ основаніе не убивать ее сейчасъ же; мнѣ хотѣлось немного поболтать съ нею.

— Эй, гражданка, сказалъ я, поклонившись ей не бойтесь. Ежели вы будете благоразумны, я *ничего не сдѣлаю вамъ* дурнаго.

Эта женщина отважна; въ самые критическіе моменты она бываетъ очень хладнокровна.

— Мой милый, сказала она мнѣ, ежели ты вошелъ сюда, то навѣрное ты убилъ моихъ офиціантовъ.

— Вовсе нѣтъ, сказалъ я ей. Я убилъ одну только субретку.

— Ахъ! а другихъ?

— Другіе отправились въ Палезо выпить вина.

— И это значитъ, что я теперь одна?

— Совершенно одна.

— И нахожусь въ твоей власти?

— Да.

— Ну, мой милый, отвѣтила она преспокойно, я знаю, что мнѣ дѣлать. Ты пришелъ обокрасть меня?...

— Это зависить.....

— И потомъ, такъ какъ ты хочешь отомстить мнѣ, ты убьешь меня.

— Можетъ быть....

— Умирають только разъ, отвѣтила Антонія. Убей же и потомъ ты обокрадешь меня; но ты не много найдешь здѣсь...

— Охъ! произнесъ я недовѣрчиво.

— Ты думаешь, продолжала она, улыбаясь, что деньги мой во Франціи, но я разбогатѣла не въ настоящее время гильотированія,—мнѣ каждый мѣсяцъ присылають деньги, но капиталъ находится не здѣсь.

— Но все таки можно чѣмъ нибудь поживиться! сказалъ я, захохотавъ.

— Да, съ сотню лундоровъ, нѣсколько алмазовъ и немного серебрянной посуды ты найдешь здѣсь.

— И это хорошо.

— И я еще сдѣлалъ шагъ къ ней.

Ни одинъ мускулъ ея лица не пошевелился.

— Мой милый, продолжала она, ты лучше поговори со мною и спрячь свой кинжалъ въ карманѣ. Я могу дать тебѣ болѣе денегъ, чѣмъ ты найдешь здѣсь послѣ моей смерти.

— А ежели я хочу не денегъ? сказалъ я ей.

— Ну такъ ты хочешь отомстить мнѣ?

— Это первое.

Она принялась смѣяться.

— А между тѣмъ мнѣ могли бы примириться, сказала она, и ежели мы сдѣлались врагами, то этому виновать ты самъ, а не я.

— Ахъ вы такъ думаете?

— Конечно; потому что ты влюбился въ эту хорошенькую дѣвушку, которую я ненавидила.

— Такъ вы болѣе не ненавидите ее?

— Теперь меньше.

— А почему же это? спросилъ я у нее, смотря на нее пристально.

— Слушай, запри дверь на задвижку, для того что въ случаѣ прихода моихъ слугъ, то чтобы ты успѣлъ убить меня, прежде чѣмъ они окажутъ мнѣ помощь. Когда будутъ приняты всѣ предосторожности, ты, можетъ быть, выслушаешь меня внимательно.

— Продолжайте! сказалъ я ей, намъ нечего спѣшать.

Она продолжала.

— Я держу пари, что тебѣ рассказали мою исторію. Я бывшая горничная графини Мазуровъ, я украла шкатулку, въ которой хранилось громадное богатство.

— Я знаю это.

— Натурально, что ежели я хотѣла, чтобы гильотинировали Аврору, такъ это для того, чтобы отъ меня не потребовали этого состоянія обратно.

— Это логично.

— Прекрасно, но то что логично, не всегда бываетъ вѣрно, и я тебѣ расскажу, для чего я хотѣла чтобы гильотинировали Аврору. Только сперва я докажу тебѣ, что я не опасалась за свои деньги.

— Да, вы скажете мнѣ, что они въ Германіи?

— И въ вѣрномъ обезпеченіи, какъ ты это увидишь. Я цыганка и принадлежу къ сильнѣйшей сектѣ, которая таин-